

ЗНАЕМ МЫ ВАШЕГО БРАТА

За окном редакции прочно стоял декабрь. Мела метель. Крепчал предновогодний мороз. В комнате «Семи пятниц» нависла тревожная тишина: что-то вот-вот должно было произойти. И действительно: как-то по-особому, гомерически зазвенел телефон. Знакомый до боли голос спокойно сказал:

— Ограбление века. Похищены фамилия, имя, голос и даже внешность.

— Кто пострадавший?

— Каневский.

— Кто похититель?

— Каневский.

Все, кто был в этот момент в комнате, молча задумались. А взволнованный голос докладывал:

— У них общая фамилия, одинаковый голос и даже, кажется, одно лицо. Помоему, они носят его по очереди.

— Запутанная история... Эге-е... Братья обоих! Живыми. А будут сопротивляться — пообещайте билет на открытие московских Олимпийских игр.

Через полчаса оба Каневских сидели в редакции. Писатель Александр и актер Леонид. При поверхностном осмотре в кармане у писателя обнаружены автоматическая ручка и обложка новогодних рассказов. В бумажнике актера — удостоверение Театра на Малой Бронной, а в левом кармане, у самого сердца, — фотография любимого следователя Пал Палыча Знаменского.

Улики были налицо. Оба растерянно потупились.

— Будем играть в молчанку?

Первым заговорил Александр.

— Я долго молчал. Но больше не могу. Потому что устал. Всюду только и слышу: у вас голос вашего брата! Вы похожи на вашего брата... Хватит! Я все скажу.

Мы дали оратору стакан газированной воды без сиропа и сигарету с фильтром.

— Не курю, — строго сказал он, — и не пью! — И стал давать показания:

— Это он похож на меня, потому что я — старший брат. Это мое лицо, мой голос. А он перенял даже мою врожденную мимику, мои характерные интонации, тембр моего прекрасного голоса — и все это выдал по телевидению за свое. Он даже имя мое похитил! Его с раннего детства зовут Леонидом, а он назвался Шуриком... в «Знатоках». А это я Шурик, я!..

На мужественных рснцах брата сверкнули две мужественные слезы. Он мужественно смахнул их и продолжал:

— Он ведет нечестную игру. Стоит мне сесть за пьесу или за сценарий, он тут как тут: а где для меня роль? И если ее нет, сразу бежит жаловаться маме.

— Да, жалуюсь и буду жаловаться! А чего он пишет пьесы не для меня, а для Таралунки и Штепселя?.. Мне обидно.

Из волевого глаза майора Томина выкатилась слеза, но он железным усилием воли втянул ее обратно.

— Хорошо, — сурово сказал я, — будем разбираться. Дайте-ка личное дело писателя. Посмотрим, что он натворит в наступающем году. Ага... Проник на киностудию имени Горького со сценарием «Клянись Аполлоном!»...

— Прошу разделить всю ответственность вместе с моим соавтором Робертом

Виккерсом, — забеспокоился Александр.

— Для Киевского театра оперетты пишет мюзикл по своей пьесе «Три полотера»...

— Прошу разделить ответственность с композитором Игорем Покладом! — снова забеспокоился писатель.

— Чего вы клите?! — в упор спросил я сочинителя. — А ваша пьеса «Семь Робинзонов», которая сейчас ставится во многих театрах нашей страны и уже, как нам сообщили из достоверных источников, переведена в Болгарию! Тут уж вам не с кем делить ответственность. Вы один во всем виноваты!

Старший брат заметно смехался, растерялся, потерялся; потом снова нашелся и — опустил голову.

— Кстати, почему у вас такая странная тяга к числительным? «Семь Робинзонов», «Три полотера», «Пятый лишний»? Говорите откровенно.

— Ну вот и влип! — буркнул младший брат. — Будешь знать, как жалобы строчить...

— Позвольте, позвольте! — горячо заговорил литератор. — Я все скажу! Я окончил Киевский автодорожный институт, я всегда любил математику. А ровно двадцать лет назад построил первый свой мост и написал первую пьесу!

— Ну и что? — хладнокровно спросил я.

— А то, что пьеса провалилась, а мост, я надеюсь, еще...

— Не ручайся! — тихо предостерег младший.

— А вы тоже хороши! — упрекнул я Леонида. — Почему до сих пор нет сле-

дующей серии «Знатоков»? Зрители ждут с нетерпением. Появится на экране майор Томин с коллегами? Да или нет?

— Да. В январе начинаются съемки сразу двух фильмов из серии «Следствие ведут Знатоки»: «До трезвого выстрела» и «Вызывает «Букет». А пока... я играю в театре, выступаю в концертах и читаю юмористические рассказы в передачах «Доброго утра»... Между прочим, и рассказы своего брата — вот этого самого.

— Значит, вы дружите?

— Вроде бы! — воскликнул младший.

— Куда от него денешься? — подтвердил старший.

— А что же означает вся эта сегодняшняя история?

— Не более чем новогодняя шутка, которую вы же сами и придумали!

Тут уже потупился я. Братья рассмеялись и стали прощаться.

— Постойте, постойте! — спохватился я. — Что же вы все-таки собираетесь делать в наступающем году?

— Будем играть! — сказал младший и пошел в Театр на Малой Бронной играть Станареля в «Дон Жуане», Брананцио в «Отелло», Чичико Гоголя в «Обвинительном заключении» и репетировать новые роли.

— Будем писать! — сказал старший и пошел писать рассказы для «Правды», «Литературной газеты», «Советской культуры», «Перца» и, конечно же, для «Недели».

Новый год приближался неотвратимо.

Допрашивал братьев

Сем. ПЯТНИЦКИЙ.

ПРИЛОЖЕНИЕ К "НОВОСТИ" • НЕДЕЛЯ
 1 ЯНВ 1978